

СИЛА ИСКУССТВА

Вл. ОРЛОВ

О чем прежде всего хочется вспомнить сегодня, в 125-ю годовщину смерти Грибоедова? О деле художника, о его творческой страстности и взыскательности, об отзывчивости его на насущные запросы жизни, о художественном мастерстве.

Редкая, завидная свобода творческого сознания отличала Грибоедова. «Я как живу, так и пишу свободно и свободно», — сказал он однажды. Он с презрением отвергал холодное, мелочное, педантическое «искусство» школяров, «приобретенное поттом и сидением». Он начисто отменял всяческие стеснительные для истинного, вдохновенного художника «школьные требования, условия, привычки, бабушкины предания» и выдвигал на их место мерило «собственной творческой силы».

Грибоедов, конечно, хорошо сознавал свою творческую силу. Но это сознание нисколько не ослепляло его, а, напротив, уживалось с величайшей взыскательностью к себе, — черта, свойственная всякому настоящему художнику. Грибоедову чужда была какая бы то ни было самоуспокоенность. Его непрестанно тревожили тяжкие сомнения, действительно ли хорошо он пишет. «Не знаю, не слишком ли я от себя требую? умею ли писать? право, для меня все еще загадка». И это было сказано уже после создания «Горя от ума».

Велика, безгранична была писательская страсть, владевшая Грибоедовым. Человек разносторонних интересов и дарований, дипломат, музыкант, ученый, занятый важными государственными делами и разработкой обширных экономических проектов, он все это считал для себя «делами посторонними». Всего себя, всю свою «ненасытность души», всю свою «пламенную страсть к новым вымыслам, к новым познаниям» он хотел бы отдать одному заветному делу — литературе: «Поэзия!! Люблю ее без памяти, страстно...»

«Горе от ума» было вынесено Грибоедовым в годы его бурной, скитальческой молодости — в чужой и немилой иранской глуши, в общении с друзьями-декабристами, на шумных московских балах, в деревенском уединении — лицом к лицу с русским крепостничеством, в почтовой коляске, катившейся из Москвы в Петербург по той самой большой проезжей дороге, на которой в свое время родились горькие и гневные думы Ралищева.

Когда перечитываешь «Горе от ума» или снова смотришь комедию в театре, каждый раз убеждаешься, что искусство только тогда становится действительно великим и насущно нужным людям, когда оно рождено жизнью, овеяно ее дыханием и когда в основе его лежит глубокое, пристальное изучение жизни — изучение творческое, опирающееся на самостоятельные наблюдения и раздумья художника, на его собственные, не заемные взгляды и оценки.

Сила такого искусства проверяется в первую очередь тем, насколько оно отразило, обобщило и осмыслило главные явления, основные темы, коренные вопросы своего исторического времени. «Горе от ума» блистательно подтверждает это правило.

Творчество Грибоедова — великолепный пример общественной активности искусства. Не сторонний наблюдатель, не бесстрастный летописец, равнодушно внимающий добру и злу, не бездумный зарисовщик быта и нравов, но художник-мыслитель, художник-деятель, художник-агитатор, активно вторгающийся в жизнь с тем, чтобы помочь переделать ее, — таким мы знаем, видим и любим Грибоедова. Его пример и доныне учит смелости в постановке самых острых, самых боевых вопросов, выдвинутых ходом жизни, движением истории.

Когда Грибоедов писал «Горе от ума», он думал о самом важном, что было в его время: о крепостном праве, о борьбе с деспотизмом, о национальном самосознании народа, о свободе и чести человека, о путях развития русской культуры. Зорким оком художника он увидел основной общественно-исторический конфликт своей эпохи. Несмотря на горестную судьбу Чацкого и драматический финал его столкновения с миром подлецов и мракобесов, Грибоедов ясно, всей логикой своей художественной мысли, всем содержанием своих образов показал неодолимую, всепобеждающую силу нового, юного, свежего, передового и тем самым отразил действительность в ее развитии, заглянул вперед — в завтрашний день.

Это и было главным достижением творческой мысли Грибоедова, обусловившим беспримерную жизненность и влияние его создания. Русская реалистическая литература еще долго, в течение почти целого века, решала вопросы, поставленные Грибоедовым.

«Натура всяких событий» — таков был, говоря словами Грибоедова, тот жизненный материал, который он изучал так внимательно, так досконально. Но он не распылял свое художническое внимание по неограниченному множеству «всяких событий», по деталям и мелочам быта. Нет, он собрал свое внимание как бы в один световой луч и направил его на те явления жизни, в которых с наибольшей полнотой и отчетливостью раскрывалось существо эпохи.

Вооруженный самыми передовыми идеями века, Грибоедов выбрал из безграничного и пестрого материала окружавшей его реальной жизни именно то, в чем сосредоточился смысл эпохи. В бурном столкновении Чацкого с фамусовским обществом, как солнечный луч в капле воды, отразилась борьба между молодыми провозвестниками новой «свободной жизни» и воинствующими защитниками старых порядков.

Изучая жизнь как пытливым исследователем, он изобразил ее как художник, притом — как смелый новатор. И от этого на-

рисованная им картина декабристской эпохи и ее идейной жизни оказалась необыкновенно яркой, глубокой, объемной.

Когда правда жизни становится содержанием искусства, сила ее воздействия на мысли и чувства человека еще более увеличивается. В том-то и состоит «тайна» искусства, что оно позволяет людям даже то, что им хорошо известно, увидеть яснее, отчетливее, а иногда — и с новой, еще не знакомой стороны. Явление жизни, всем видное, всем известное, даже примелькавшееся, будучи преображенным великой обобщающей силой искусства, зачастую предстает как бы в новом свете, вырастает в своем значении, раскрывается перед современниками с такой полнотой, которая раньше была им недоступна.

Белинский писал по поводу грибоевской комедии: «...ее персонажи давно были вам известны в натуре, вы видели, знали их еще до прочтения «Горя от ума», и однакож вы удивляетесь им, как явле-

Сюжет комедии — динамический, стремительный, он безостановочно развивается с каждой новой сценой. Все в комедии — «на ходу», в движении, действие все время усложняется новыми обстоятельствами и положениями, характеры обогащаются новыми подробностями.

Одна из самых замечательных черт мастерства Грибоедова — удивительная экономность в применении художественных средств, необыкновенная сжатость характеристик. В комедии нет ничего лишнего, необязательного. Один-два стиха, одна беглая реплика — и готов портрет человека, полный жизни, движения, исторической, социальной и психологической характеристики. Стоит только появиться на сцене Хлестовой, как первая же произнесенная ею вместо приветствия фраза: «Легко ли в шестьдесят пять лет тащить мне к тебе, племянница?.. — Мученье!» — создает ясное представление о характере властной, знающей себе цену и не церемонящейся с другими старухи.

Литература — искусство слова. Драматическая литература — в особенности и по преимуществу, ибо слово драматурга всегда слово звучащее, произносимое.

А слово драматурга-поэта звучит еще громче, потому что это слово ударное, подчиненное особым законам ритма, по большей части оперенное рифмой. А ритм и рифма многократно увеличивают силу вложенного в слово чувства, остроту выраженной им мысли.

Подлинная стихия сценического языка — диалог, живая, непринужденная беседа, спор, быстрый и легкий обмен колкостями, эпиграмматическая соль, «подхватыв» чужой мысли, чужих слов — безостановочное и динамическое протекание живой речи. Грибоедов безупречно владел этим сложным искусством. Его открытия в этой области в громадной мере обогатили русскую драматическую литературу.

Стиховое слово Грибоедова, как правило, не только словопонятие, но слово-образ. Средствами языка он создавал образы своей комедии, характеры ее героев. Единственно средствами тончайшей ритмической организации стиха, самим звучанием речи, ее интонацией он перелавливал любые оттенки мысли, самые разнообразные душевные движения, самые различные психологические состояния. Мало того, что Чацкий и Софья, Фамусов и Скалозуб, Молчалин и Загорецкий — каждый говорит по-своему, каждый наделен

своей индивидуальной речевой манерой. Но и речь одного лица — многогранна и многообразна, интонационно бесконечно разнообразна.

Вот, к примеру, несколько наудачу взятых стихов из реплик одного действующего лица — Фамусова. Стихи все одного размера, но как по-разному звучат они в силу своей тонкой ритмической организации, как отчетливо передают они различные оттенки мысли и чувства. Вот Фамусов говорит: «Ведь экая шулуны ты, девчонка», — и мы ясно слышим игривый голос старого волокиты. «По должности, по службе хлопотная» — здесь уже явственно звучит раздражение сановного бюрократа. «В работу вас, на поселенье вас...» — это уже не говорит, а на крик кричит разгневанный крепостник, грозящий каторгой своим нерадивым рабам.

Народность грибоевской комедии особенно сказалась в ее изумительно богатом, гибком и красочном языке. Грибоедов превосходно знал и любил народную речь, чутко прислушивался к ней, глубоко изучал ее, и она кипела и плавилась под его пером и опять вернулась к народу в десятках пословиц и поговорок, на которые разошлась текст комедии.

Пример Грибоедова учит тому, что у большого поэта мысль, чувство, идея и художественные средства их выражения всегда находятся во взаимодействии и в единстве. В самом деле, что нужно понимать под художественным мастерством? Только ли ловкий оборот речи, изысканную рифму, замысловатость сюжета? Конечно, нет. «Горе от ума» потому и стало одним из лучших украшений нашего национального искусства, что содержание и форма приведены в нем в на редкость стройное равновесие.

Композиция комедии, или, как говорил Грибоедов, «план» ее, и сюжет, в котором реализовался этот план, — в связях, отношениях и столкновениях действующих лиц и в развитии их характеров, образы, как форма отражения действительности, и, наконец, язык и стих комедии, как материал слова, как основное средство художественного формирования образов и раскрытия характеров, — все это в «Горе от ума» слито воедино, представляет собою нерасчленимое, монолитное единство и неотторжимо от общего идейного задания художника, от его замысла, продиктованного стремлением отразить главный общественный конфликт эпохи.

Это и есть художественное мастерство в полном и точном смысле слова.

«Горе от ума» принадлежит к числу тех истинно великих произведений искусства, могучая сила которых не убывает с годами и столетиями, но которые продолжают безотказно служить народу.

Нынешний день нашей советской жизни неизмеримо богаче, ярче, содержательнее, нежели то далекое от нас время, когда Грибоедов создавал свой шедевр. Задачи, стоящие перед писателями страны победившего социализма, громадны. Нельзя решить эти задачи, не овладев в совершенстве художественным мастерством. Богатейший творческий опыт великих писателей прошлого может в этом помочь, и в числе таких писателей мы должны назвать гениального, мудрого, вдохновенного Грибоедова.

Александр Сергеевич Грибоедов

Рис. худ. Н. Павлова